

**ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.**

Tsubikova L.S.

**WITHDRAWAL OF ELECTORAL RIGHTS OF THE rural POPULATION
IN EASTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920S.**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос лишения избирательных прав жителей села во второй половине 1920-х на территории Восточной Сибири. Автор пришел к выводу, что лишение избирательных прав граждан страны по экономическим, социальным и политическим мотивам, как одна из мер административного воздействия, затронуло значительную часть населения Восточной Сибири, а также явилось одним из главных механизмов советской власти по контролю над неудобными социальными группами.

Ключевые слова: крестьянство, лишение избирательных прав, избирательная система.

Abstract. The article deals with the issue of disenfranchisement of rural residents in the second half of the 1920s on the territory of Eastern Siberia. The author came to the conclusion that the disenfranchisement of citizens of the country for economic, social and political reasons, as one of the measures of administrative influence, affected a significant part of the population of Eastern Siberia, and was also one of the main mechanisms of the Soviet government to control undesirable social groups

Keywords: peasantry, deprivation of voting rights, electoral system.

Избирательная система в 1920-е гг. стала эффективным инструментом административно-правового давления на социальные слои, в том числе на крестьянство.

В постсоветской литературе появляются специальные работы, обращённые к теме репрессий, в которых историки рассматривают, в том числе, вопрос лишения избирательных прав [например, 11-13]. Актуальность данной работы связана с региональным фактором ее рассмотрения; материалы местных архивных документов позволяют детальнее рассмотреть вопрос социально-политического преобразования восточносибирской деревни во второй половине 1920-х гг.

По Конституциям РСФСР 1918 г. и 1925 г. права избирать и быть избранными в Советы лишались лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли лица, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы и посредники, монахи и служители религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции, осужденные судом, умалишенные и подопечные и члены семей в возрасте от 18 лет, находящиеся на иждивении лишенных избирательных прав. В дальнейшем, постановлением XIV Всероссийского Съезда Советов от 18 мая 1929 г. был добавлен еще один пункт – «лица, осужденные за преступления с

поражением в политических правах на установленный судебным приговором срок».

«Инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» от 4 ноября 1926 г. в пункте 15 детализировала социальные группы, подлежащие лишению избирательных прав: земледельцы, применяющие наемный труд, сезонный или постоянный, в таком объеме, который расширяет их хозяйство за пределы трудового; земледельцы, имеющие наряду с земледельческим хозяйством собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку, маслобойку и т.п.), ведущиеся с применением постоянного или сезонного наемного труда; земледельцы, занимающиеся наряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов в виде промысла (барышники-прасолы); лица, закабаляющие окружающее население путем систематического предоставления в пользование имеющихся у них сельскохозяйственных машин, рабочего скота и проч. или постоянно занимающиеся снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях; кустари и ремесленники, прибегающие к найму постоянной рабочей силы; владельцы предприятий промышленного типа, предприниматели и подрядчики, эксплуатирующие население путем сдачи тех или иных работ на дом; владельцы и арендаторы предприятий промышленного и фабрично-заводского типа; частные торговцы и перекупщики; частные торговые и коммерческие посредники; бывшие офицеры и военные чиновники белых армий, а также руководители контрреволюционных банд; все служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего дома и другие; служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков и др.

Количество лишенных избирательных прав на протяжении второй половины 1920-х гг. постоянно увеличивалось. Выборочные данные: по Иркутскому округу в 1926 г. было лишенных избирательных прав 4719 человек (% к числу избирателей – 2,2%), в 1927 – 11 276 (5,0 %), в 1928 г. – 13 975 (данных нет); в Киренском округе в 1928 г. – 1 142 (4,5 %), в 1929 г. – 1 833 (6,8 %) [9, Лл. 2, 60, 90; 10, Л. 73].

В 1930/31 г. в Восточно-Сибирском крае лишенных избирательных прав было 48 069 человек [6, Л. 4].

Поспешность кампаний, погоня за высокими показателями приводили к высокой ошибочности зачисления к «лишенцам». Из докладной записки: «опыт прошлой кампании (1929 г.) показал, что из общего количества лишенных права голоса в Киренском округе было восстановлено 20 % граждан» [6, Л. 17].

К началу 1927 г. по Красноярскому округу было лишено избирательных прав 6 981 чел. В течение 1927 г. были пересмотрены все дела и к октябрю этого же года восстановлены в правах 476 чел., и, соответственно, невосстановленными осталось 6 505. [8, Л. 13].

Лишенцы имели возможность обжаловать решение избирательных комиссий в недельный срок со дня опубликования или ознакомления со списком лишения избирательных прав [14, с. 6-8]. На практике дела о неправильном лишении избирательных прав рассматривались годами. За этот период времени люди попадали под индивидуальное обложение, раскулачивание, лишались имущества.

Крестьяне, посылая заявления и жалобы, дополняли их письмами от командиров, красноармейцев, где они служили, от колхозников, бедняков – тех, чье слово оказало бы влияние. В письмах указывали аргументы, которые также имели весомый характер в новых политических реалиях: общественная работа, служба в рядах Рабоче-крестьянской красной армии, участие в Гражданской войне, происхождение из социальных низов, болезнь, нехватка рабочих рук и другое.

Анализ аргументов, приводимых в пользу восстановления в правах, показывает, что при лишении избирательных прав одного из членов семьи другие нередко пытались всячески показать свою непричастность к «прегрешениям» лишенца. Вопрос о лишении избирательных прав ставил проблему выбора перед человеком: остаться с семьей и стать предателем по отношению к советской власти или же отречься от близких и родных людей и быть преданным новому государству. Таким образом, государство вынуждало человека решать вопросы не только материальные, связанные с передачей своего имущества, но и моральные, нравственные – отказ от семьи. Примером тому служит заявление о восстановлении в избирательных правах С.Н. Дмитриева, который являлся членом семьи «отца-кулака». «Ввиду того, что Дмитриев работает самостоятельно уже как два года, к работе относится хорошо (монтер электростанции Горместхоза), связь с родителями прервал – в избирательных правах восстановить» [7, Л. 135]. Другой пример, из протокола заседания по пересмотру списков лишенцев: «Корякину Ф.Я. отказать как не порвавшему связь с родными лицами. Как не порвавшего связь с отцом – лишенцем, находящемся в материальной зависимости от последнего, оставить в списке лишенцев» [3, Л. 2].

Зажиточные крестьяне избавлялись от своего «прошлого» – распродавали скот, отдавали часть земли в кресткомы, отдавали имущество родственникам, соседям и т.п. Так, к примеру, кулак Курбатов, проживавший в Макаровском районе Киренского округа, решил, что он разделит свое имущество между детьми, вследствие чего они станут середняками, и тогда их восстановят в избирательных правах [3, Л. 2].

Для выявления ошибок по лишению избирательных прав создавались специальные комиссии, в состав которых входили работники (представители) от ГПУ, КрайРКИ, Крайадмуправления, прокуратуры. В ноябре 1930 г. в результате работы краевой комиссии по проверке списков лишенных избирательных прав был обнаружен ряд искривлений избирательной инструкции, которые

«выразились в неправильном лишении прав заведомых середняков». Причина перегибов, по мнению комиссии, заключалась в недостаточно серьезном подходе или неумении разобраться в избирательном законодательстве и директивах о признаках «кулацких хозяйств». Это привело к тому, что из всех рассмотренных краевой комиссией жалоб и ходатайств о восстановлении, было удовлетворено около 20 % [4, Л. 226].

Наряду с этим были случаи, когда «явные кулаки» восстанавливались в правах, но это не получило массового распространения. Ярыгин М.И., житель Киренского района, имел крупное «кулацкое хозяйство». За сдачу хлеба бедноте под отработку, эксплуатацию сельхозмашин, постоянный наем рабочей силы он был лишен избирательных прав. Написав жалобу, Ярыгин был восстановлен в правах. Но «сельская беднота была возмущена данным решением и направила о пересмотре дела в Москву» [2].

Лишались избирательных прав не только кулаки, но и середняки, и даже были случаи – бедняки и батраки. Так, в марте 1930 г. в Александро-Невской станице Куйтунского района сельская избирательная комиссия лишила избирательных прав 10 батраков и бедняков. Среди них были, например: Вершинин Е. – батрак, член союза сельхозрабочих с 1924 г., бывший партизан, который с 1917 г. по 1923 г. служил добровольцем в Красной Армии, имел награду – грамоту от Хабаровского губисполкома, в момент хлебозаготовок активно боролся с кулаками, но был лишен права голоса и значился в списках лишенцев как «неблагонадежный»; Погребных Андрей – батрак, член союза сельхозрабочих, был лишен права голоса как «агитатор против советской власти»; Патокин И. – бедняк, активист, лишен избирательных прав как «психически расстроенный», тогда как Патокин «всегда активно и дельно выступал на собраниях и был на выборных должностях» [1].

В 1930 г. была принята новая инструкция ВЦИК «О выборах в советы и на съезды советов РСФСР», по которой теперь производилось лишение избирательных прав. Нельзя сказать, что новая инструкция кардинально отличалась от предыдущей, в небольшой степени она детализировала положения ее предшественницы. Так, более четко стали выделяться отдельные социальные группы – скотоводы, кустари, ремесленники и другие. Некоторые граждане могли теперь претендовать на пересмотр статуса лишенца, это бывшие офицеры и чиновники белых армий (если они впоследствии состояли в рядах РККА и принимали активное участие в вооруженной защите советской власти, а также те, кто находился на действительной военной службе в РККА), владельцы жилых строений (если их доход которых от этих строений не превышал необлагаемого подоходным налогом минимума) и др.

Как следствие, в 1930 г. произошел пересмотр и снижение групп лишенных избирательных прав. В частности, в Борзинском районе числилось на начало пересмотра 813 чел. лишенных избирательных прав, после пересмотра

списков исключено – 127 чел., в Тайшетском районе – 560, 30 соответственно, в Оловянинском районе – 345, 98, в Нерчинско-Заводском – 553, 159 [5, Лл. 2,8,17,34].

В целом лишение избирательных прав граждан страны по экономическим, социальным и политическим мотивам, как одна из мер административного воздействия, затронуло значительную часть населения Восточной Сибири, а также явилась одним из главных механизмов советской власти по контролю над неудобными социальными группами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть труда. 1930. 20 марта.
2. Восточно-Сибирская правда. 1930. 17 ноября.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Ф. р-600, Оп. 1. Д.197.
4. ГАИО. Ф. р-600, Оп. 1. Д.226.
5. ГАИО. Ф. р-600, Оп. 1. Д.204.
6. ГАИО. Ф. р-600, Оп. 1. Д.1156.
7. ГАИО. Ф. р-1566, Оп. 1. Д.44.
8. Государственный архив Красноярского Края (ГАКК). Ф. р-1205, Оп. 3. Д.27.
9. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.16, Оп. 1. Д.239.
10. ГАНИИО. Ф.16, Оп. 1. Д.679.
11. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.) / Н.А. Ивницкий М.: ИРИ РАН, 2000. – 350 с.
12. Ильиных В.А. Политика раскрестьянивания советской деревни: налогоободатное обложение деревни в конце 1920-х – начале 1940-х гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. Ч.1. С. 7–9.
13. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928 – 1941. Новосибирск: СО РАН, 1997. – 273 с.
14. Славко Т.И. Введение / отв. ред. Т.И. Славко // Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). – Екатеринбург : УрГУ, 1996. – С. 3–12.